

ОКЖД была расформирована, а ее личный состав был передан на пополнение дивизий 4-го Кубанского кавалерийского корпуса.

Так прекратила свое существование 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия. В 1943 и в последующие годы многие национальные формирования по тем же причинам были расформированы. По этому поводу Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский писал: «На отдельных этапах военного строительства существовали национальные формирования. Но со временем необходимость их существования отпала, так как все народы Союза убедились, что воспитанная в духе братства Советская Армия надежно защищает все республики и что по-настоящему сильными в военном отношении, мы можем быть лишь в единой и дружной семье народов Советского государства».

Список литературы

1. Виноградов С. В. Деятельность местных органов власти Нижнего Поволжья по укреплению тыла Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2015. № 2. С. 63–73.
2. Виноградов С. В. Роль местных органов власти Нижнего Поволжья в организации оборонительного строительства в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 23–30.
3. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1969.
4. История Великой Отечественной Войны. Москва: Воениздат, 1955. Т. 24.
5. Калмыкия в Великой Отечественной войне. Изд. 1-е. Элиста: Калмиздат, 1969.
6. Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калмиздат, 1972.

References

1. Vinogradov S. V. Deyatel'nost' mestnykh organov vlasti Nizhnego Povolzhya po ukrepleniyu tyla Krasnoy armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Activities of local authorities in the Lower Volga strengthening the rear of the Red army during the great patriotic war]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2015, no. 2, pp. 63–73.
2. Vinogradov S. V. Rol mestnykh organov vlasti Nizhnego Povolzhya v organizatsii oboronitel'nogo stroitel'stva v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [The role of local authorities of the Lower Volga region in organization of the defensive construction during the Great Patriotic War (1941-1945)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2012, no. 3, pp. 23–30.
3. Grechko A. A. *Bitva za Kavkaz* [Battle for the Caucasus]. Moscow, 1969.
4. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy Voyny* [History of the Great Patriotic War]. Moscow, Voenizdat Publ., 1955, vol. 24.
5. *Kalmykiya v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Kalmykia in the Great Patriotic War]. Elista, Kalmizdat Publ., 1969, 1st ed.
6. Kichikov M. L. *Vo imya pobedy nad fashizmom* [For the sake of the victory over fascism]. Elista, Kalmizdat Publ., 1972.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В 1920-е гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Котельников Алексей Сергеевич, аспирант, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: A.C. Kotelnikov@mail.ru

В статье показываются региональные особенности государственного регулирования частного капитала в Астраханской губернии в период новой экономической политики. Автор отмечает, что Астраханская губерния была тем регионом, где частный капитал в 1920-е гг. получил максимальное развитие, особенно в рыбной промышленности и торговле. Новая экономическая политика разрешила предпринимательство и свободу торговли, что положительно сказалось на восстановлении разрушенной экономики страны. Однако уже в первые годы нэпа, когда происходила сдача неработающих предприятий в аренду, обнажились, заложенные в период «военного коммунизма» системные недостатки советского хозяйственного механизма, основанного на монополии государства в основных промышленных отраслях, которая порождала чиновничий произвол мешавший нормальному экономическому развитию. Это «родовое пятно» советской экономической модели не было преодолено в годы нэпа. И все же, не смотря на препятствия, со стороны чиновничьего аппарата, развитие частной инициативы позволило в относительно короткий срок восстановить и стабилизировать хозяйство Астраханского края, прежде всего основу ее экономики рыбную отрасль. Расцвет нэповского предпринимательства пришелся на 1926/1927 хозяйственный год. Тогда в Астраханской губернии насчитывалось 1939 частных торгово-промышленных предприятия, государственных – 334, кооперативных – 161. Из общего торгового оборота в 224 млн. руб. частники имели примерно половину. Удельный вес частных предприятий в экономике Астраханской губернии доходил в 1928 г. до 44,6 %. После 1927 г. руководство СССР взяло курс на вытеснение частнокапиталистических элементов из экономики страны. Но в ряде регионов, в том числе в Астрахани, частнокапиталистический уклад продолжал развиваться и даже укреплял свои позиции. До 1929 г. решения центральных партийных и государственных органов об ограничении деятельности частного капитала саботировались местной властью. Потребовалось репрессивное вмешательство Центра, чтобы привести рыбную отрасль к общему знаменателю с экономикой всей страны, т.е. к государственной монополии. Впоследствии эти события весны-лета 1929 г. получили название «астраханщины». Это был

один из самых крупных процессов над нэпманами и коррумпированными чиновниками в стране, положивший конец новой экономической политике.

Ключевые слова: нэп, нэпман, новая экономическая политика, Астрахань, Астраханская губерния, «астраханщина», регион, предпринимательство, предприниматель, рыбная промышленность, рыбный промысел, военный коммунизм, главк, чиновник, торговля, аренда, судебный процесс

STATE REGULATION OF THE PRIVATE CAPITAL IN THE 1920s: THE REGIONAL FEATURES

Kotelnikov Aleksey S., postgraduate student, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: A.C. Kotelnikov@mail.ru

The author shows the local peculiarities of the state regulation of private capital in the Astrakhan province in the period of the new economic policy. The author notes that the Astrakhan province was the region where private capital received the maximum development, especially in the fishing industry and trade, in the 1920s. The new economic policy allowed the enterprise and free trade, which has a positive impact on the restoration of the destroyed economy. However, in the early years of the NEP, when there was a lease of non-performing businesses, uncover, laid the foundation in the period of “war communism”, the system weaknesses of the Soviet economic mechanism. This is a “birthmark” of the Soviet economic model has not been overcome in the years of the NEP. And yet, in spite of the obstacles of the part of the bureaucracy, the development of private capital has allowed to recover and stabilize the economy of the Astrakhan region, especially the foundation of its economy fishing industry, in short period. The flourishing of the NEP enterprises came in 1926/1927 business year. Then, in the Astrakhan province, there were 1939 private commercial and industrial enterprises, 334 state enterprises, and 161 cooperative enterprises. The private traders have about half of the total trade turnover – 224 million rubles. The share of private enterprises reached to 44.6 % in the economy of the Astrakhan province the in 1928. Soviet leadership headed for exclusion of the private capitalist from the national economy after the 1927. But, in some regions, including Astrakhan region, private capitalist continued to develop, and even strengthened its position. The decision of the central party and government bodies, which restricted the activities of private capital, sabotaged by local authorities until 1929. It needed a repressive intervention of the Centre to bring the fishing industry to the state monopoly. Afterwards, these events spring and summer of 1929 were called “astrahanschiny”. It was one of the largest processes under shopkeepers and corrupt officials in the country, ending the new economic policy.

Keywords: NEP, shopkeeper, the new economic policy, Astrakhan, Astrakhan province, “astrahanschina”, region, the enterprise, the entrepreneur, fishing industry, fishery, war communism, central authority, the official, the trade, the lease, trial

История новой экономической политики 1921–1929 гг. изобилует многочисленными яркими сюжетами предпринимательской деятельности. Астрахань особенно выделяется на этом фоне, так как всегда была крупным торговым центром страны, где пересекались самые разные деловые интересы. Примечательно то, что своеобразным символом конца нэпа стал грандиозный политико-хозяйственный судебный процесс по делу, получившему широкую известность под названием «астраханщина» (август – сентябрь 1929 г.).

Аренда, вновь разрешенная декретом Советского правительства от 7 июля 1921 г., предусматривала возможность передачи государственных предприятий в руки кооперативов, учреждений и отдельных частных лиц в целях их эксплуатации и организации производства [30, с. 54]. Правительство планировало в 1922 г. сдать в аренду 3000 предприятий, в 1923 г. – 8500 [22, с. 64–65]. Астраханская губерния была одним из районов, где частный капитал традиционно был силен особенно в рыбной промышленности и торговле [21].

По расчетам известного партийного деятеля и экономиста 1920-х гг. Ю. Ларина, если бы в аренду были сданы 12000 предприятий, то в среднем на одно предприятие приходилось бы 7 рабочих, а всего в частной промышленности работали бы 90000 человек, при общей численности рабочих России в промышленности страны 2 млн человек. То есть рабочие частных предприятий составили бы около 4,5 % от общего количества советского пролетариата [27, с. 225–226]. Однако, по выражению Ю. Ларина, и «эта величина сама по себе ничтожная, как по своему количеству, так и по своему качеству, ибо речь идет главным образом о предприятиях, по своей величине и по характеру не играющих почти никакой роли в народнохозяйственной жизни». К тому же, как замечал этот экономист, план сдачи в аренду хронически не выполнялся. К концу 1921 г. было сдано всего лишь 24 % от запланированного. В последующие месяцы картина почти не менялась. Всего к 1922 г. было сдано в аренду 60–65 % предприятий (2/3 плана) с числом рабочих около 3 % от общего их количества в России [25, с. 77].

Хозяйственные органы Астраханской губернии, которые в годы «военного коммунизма» оказались неспособны эффективно наладить производство на подведомственных им предприятиях, в новых условиях чинили всевозможные препятствия сдаче их в аренду [9, с. 66]. За счет потенциальных арендаторов чиновники пытались залатать дыры в губернском бюджете. По сведениям астраханской газеты «Коммунист» настроения у этих «горе-руководителей» были близки к саботажу. Они были готовы саботировать решения партийно-государственного руководства страны, или заломить такую плату, чтобы отпугнуть потенциального арендатора. Таким образом, бюрократия, познавшая вкус управления собственностью в 1918–1920 гг., с большой неохотой расставалась даже с частью «лакомого пирога». А то, что управление это было неэффективным, чиновников мало волновало [31, с. 94–95]. В результате арендная плата в Астрахани, осенью 1922 г., доходила до 18 % от стоимости продукции предприятия, это было очень много [18].

Получалось, что из-за чиновничьего произвола создавались неприемлемые условия для людей, готовых за свой счет восстановить неработающие предприятия, создавать рабочие места. Например, гражданину Фрумкину, владевшему одним из астраханских предприятий до революции, было сдано в аренду его

бывшее предприятие на следующих условиях. Новый (старый) владелец, согласно договору, должен был обеспечить приоритетный выпуск продукции по государственному заказу по цене на 75 % ниже, чем это было до сдачи предприятия в аренду. Помимо этого 20 % прибыли нэпман должен был также отдавать государству [19]. В печати тех лет нередко приводились примеры бегства нэпманов, с тех предприятий, которые они брали в аренду. Условия договора с нэпманом Фрумкиным иллюстрируют, почему это происходило [7, с. 145].

Между тем, по подсчетам Ю. Ларина, среди арендаторов частники (буржуазия) составляли 57 %, остальное приходилось на кооперативы (38 %), государственные организации – 4 % [23, с. 84]. Частные капиталы, вложенные в торгово-промышленные предприятия, по-разному определялись наркоматами с помощью различных методик, но наиболее признанной стала сумма в 700 млн руб., что составляло незначительную (в государственных масштабах) сумму.

О том, насколько тяжело в первые годы нэпа в условиях государственной рыбной монополии, находившейся в ведении Главка Областьрыба, было стать арендатором, показывает судебная тяжба ловцов села Сергеевка с Главком за право арендовать находившейся рядом с селом заброшенный рыбный промысел. Летом 1923 г. жители с. Сергеевка Икрянинской волости Астраханского уезда обратились в Президиум ВЦИКа РСФСР с ходатайством об аренде пустующего рыбного промысла на следующих условиях:

1. Аренда сроком на 10 лет.
2. В год арендная плата за пользование промыслом не должна превышать 35 % всей посолонной там рыбы.
3. Сергеевские ловцы должны в течение двух лет привести в порядок пришедший в негодность промысел» [24, с. 32].

Президиум ВЦИК отправил этот документ в Правительство, с резолюцией: «ходатайство удовлетворить, так как: а) жители села Сергеевка не занимаются хлебопашеством и рыбный промысел является единственным источником их существования; б) Сергеевские ловцы издавна считаются хорошими рыбаками и рыбные продукты, изготовленные ими, не уступают по качеству товарам Областьрыбы»; в) Главк Областьрыба не справляется на своих промыслах, как в районе Сергеевки, так и в соседних районах с обработкой рыбы, и часть рыбы непроизводительно гибнет [4, с. 70–71].

Хозяйство поддержали Астраханский Дом крестьянина и Ловца и Правление Всероссийского Союза Рыбаков [12, л. 13]. К ходатайству, переданному в Совнарком, прилагалась также справка Центросоюза, в которой отмечалось, что «Центросоюз неоднократно в своей работе имел дело с товарами сергеевских рыбаков и находит их по качеству хорошими, не уступающими по качеству лучшим промысловым товарам [12, л. 12]. Однако руководство Областьрыбы, даже после ходатайства высших органов власти РСФСР, отказалось передавать пустующий рыбный промысел сергеевским ловцам в аренду. Последующая история сергеевского промысла показала насколько ошибались руководители Астраханской Областьрыбы, не давая возможности местным ловцам начать активную работу по добыче и переработки рыбы. События 1930-х – 1940-х гг. показали важность работы этого промысла для астраханской рыбной промышленности [3, с. 51–61].

В том же 1923 г. Астраханская Областьрыба отклонила еще несколько ходатайств Центросоюза о передаче в аренду рыбных промыслов [12, л. 13]. Предлогом для этих отказов служило утверждение, что «изъятие этих промыслов дезорганизует рыбное дело [12, л. 18].

Тем же, кому отказать было уже нельзя Главк создавал такие условия, что арендатор был вынужден сам отказаться от договора, так как по закупочным ценам на рыбу-сырец и по снабжению рыболовным оборудованием, на которое у Главка тоже была монополия, арендаторы были поставлены в невыгодные условия [11, л. 2]. Так, например, крупным арендатором была Рязано-Уральская железная дорога. Но даже эту мощную организацию после 1,5 лет аренды большого участка промысловых вод, рыбной монополии удалось вытеснить с арендуемых вод и расторгнуть договор из-за его невыгодности [13, л. 98].

Одним из чиновничьих оправданий завышенных арендных ставок был аргумент их «классовой направленности», поскольку, советская юриспруденция 1920-х гг. утверждала, что аренда «не преследует цели предоставления возможности частного обогащения в ущерб интересам государства» [16]. Но это было по нашему мнению сомнительный аргумент.

Кроме сопротивления государственных органов на местах: (губсовнархозов, главков и т.д.), не желавших сдавать в аренду предприятия, которые они сами не могли эффективно эксплуатировать, имела место противоположная тенденция: так называемый «арендный азарт». За мзду от нэпманов, либо негласно находясь в доле, чиновник отдавал в аренду хорошо налаженное, прибыльное производство за минимальную арендную плату, при этом даже забыв про «достаточные гарантии» со стороны частного арендатора. Ещё одним незаконным источником роста частного капитала в 1920-е гг. стало использование неликвидных фондов (неиспользованных запасов государства). Эти запасы образовывались в основном в результате «красногвардейской атаки на капитал» в период военного коммунизма. Частники весьма активно использовали этот источник в первый половине 1920-х гг. Во второй половине 1920-х гг. этот источник несколько видоизменился. Например, ВСНХ в 1925 г. предписал усиленно реализовывать неликвидные фонды заводов и фабрик, т. е. продавать их на сторону, чтобы увеличить этим путем оборотные средства предприятий. Затем дана была директива в целях ускорения оборота капитала и наименьшего вложения в ненужные для дела вещи – сократить количество запасов на государственных предприятиях. В результате предприятия любой ценой (даже себе в убыток) старались избавиться от ненужного в производстве, и всё это доставалось частнику. Большие размеры приняла продажа государственными предприятиями автомобилей. К 14 января 1927 г. частным лицам было продано 1661 автомобиль, из них 1218 легковых, 442 грузовых и 21 специального назначения, а также 4000 мотоциклов. Эти автомобили в среднем были проданы по цене от 400 до 500 руб. за машину (при ее государственной цене 10000 руб. за одну машину) [23, с. 86].

Таков один из серьезных уроков новой экономической политики. В условиях неразвитого законодательства, неэффективного государственного и общественного контроля коррумпированные чиновники и нечестные предприниматели наживались на разграблении государственной собственности.

По многим показателям условия работы на предприятиях, контролируемых частным капиталом, были лучше, чем на государственных. В 1926 г. заработная плата одного рабочего частного предприятия в Москве составляла около 90 руб., а на государственных – 72 руб. [33, с. 212]. 6 апреля 1924 г. на заседании бюро Астраханского Губкома РКП (б) так же констатировалось: «частные владельцы рыбных промыслов платят зарплату значительно выше, чем на государственных промыслах» [15, л. 59–60]. Можно привести много подобных примеров [5, с. 61].

О нэпманах 1920-х гг. сохранились весьма скудные сведения. Как правило, пресса тех лет писала о них исключительно негативно. В архивах сохранились лишь скудные данные об обложении налогами их предприятий или анкеты, в которых упомянут только юридический адрес и вид деятельности. По таким отрывочным сведениям очень трудно восстановить индивидуальные черты характера, проследить жизненный путь этих людей.

В отличие от крупных российских экономистов-эмигрантов, осевших за рубежом и, оттуда предрекавших скорое небытие большевистской власти, которая должна была, по их мнению, раствориться в рыночной стихии, высвобожденной нэпом [26], действующие внутри СССР предприниматели ясно отдавали себе отчет в том, что их деятельность не может быть долгой [6, с. 23–24]. Размер их капиталов не шел ни в какое сравнение с состояниями дореволюционных астраханских купцов и промышленников. Мы практически не знаем их лиц: если фотографии и сохранились, то лишь в семейных архивах потомков. Вот почему сведения приходится собирать по крупицам, а воссоздать полноценные биографии практически невозможно.

Астраханский историк Д. К. Батрашев, на основе архивных данных, рисует следующий обобщенный портрет астраханского предпринимателя (нэпмана) 1920-х гг. который отличается от того стереотипа, который был нарисован советской пропагандой 1920-х – 1930-х гг. «Его средний возраст составлял 43 года. В основном частной предпринимательской деятельностью занимались зрелые люди, имевшие большой жизненный опыт и обладавшие практическими навыками, от 40 до 60 лет. Впрочем, около 20 % из них не достигли 35 лет. Так, предпринимателю Павлу Кузнецикову было 27 лет, рыбаку Натану Блоху – 29, Эмило Кантеру и Самуилу Фраткину – по 26. Многие являлись коренными астраханцами, но встречались и переселенцы из Пензы, Смоленска, Украины, Кавказа, Сибири и даже Дальнего Востока. Как свидетельствуют данные анкет, более 60 % предпринимателей родились в городе, получили домашнее образование. Хотя среди них были и лица, закончившие ремесленные училища. До 1917 г. многие имели небольшое собственное дело либо работали приказчиками, помощниками или служащими по найму у крупных купцов и промышленников. Были также выходцы из рабочих, крестьян, мелких индивидуальных ремесленников. По нашим подсчетам, около 14 % астраханских предпринимателей служили в прошлом в канцеляриях либо занимались свободной деятельностью. Основная часть этих людей приобщилась к предпринимательской деятельности только после начала нэпа» [2, с. 78].

Еще один пример, который показывает насколько стереотипно и упрощенно более поздние поколения воспринимали образ нэпмана. 22 августа 1922 г. астраханская газета «Коммунист» дала подробный отчет об одном из серии «процессов над эксплуататорами», проходивших в Астрахани летом-осенью того года. Как уже отмечалось выше, частные предприниматели время от времени попадали под такие компании [34, с. 294–297]. Центральные и местные газеты в эти периоды пестрили заголовками антинэпмановской направленности: «Не хозяин – изверг», «Хозяички растерялись», «Суд над эксплуататорами» и т.д., в которых рисовался образ жадного «кровопийцы», «нэпмана-эксплуататора» [10, с. 14–15].

На этот раз судили нэпмана Харченко. Из газетного отчета становится ясным, что он был бывшим красноармейцем, поверившим в нэп. На взятый в банке кредит Харченко арендовал столовую «Моряк». Ему был предъявлен целый ряд обвинений (найм на работу в обход биржи труда, чрезмерная эксплуатация служащих, эксплуатация несовершеннолетних и др.). В ходе процесса всплыли любопытные подробности, не укладывавшиеся в привычную схему зверской эксплуатации нэпманом трудящихся. Выяснилось, что работницы столовой получали жалованье выше, чем работники государственных предприятий (8 млн в советских знаках 1922 г., а рабочие госпредприятий – 5 млн). Два раза в день работницы кушали в столовой бесплатно (что было важно для голодного 1922 г.) и помимо всего этого получали от 1 до 3 млн руб. в день от посетителей чаевыми.

Адвокат Осипов в своем выступлении обратил внимание суда, что внешний вид работниц столовой, их упитанность, приличная одежда, не говорят за то, что Харченко эксплуатировал их «самым бессовестным образом», как это утверждал обвинитель. Да и сами потерпевшие таковыми себя не считали и просили снисхождения для своего «эксплуататора». Тем не менее, выполняя политическую установку, суд приговорил Харченко к трем годам лишения свободы и лишению имущества, а комментарий газеты «Коммунист» к этому судебному процессу вышел под заголовком «Ужасная эксплуатация». В нем утверждалось, что на процессе была раскрыта «яркая картина бессовестной эксплуатации женского труда, умышленное и систематическое игнорирование профсоюза, биржи труда и всех обязательных постановлений центральной и местных властей» [17]. Однако автор отчета не задумывался, какая судьба ждала «освобожденных от эксплуатации» женщин. Большинство астраханских предприятий в 1922 г. не действовало. В городе свирепствовала безработица и устроиться на работу, особенно женщине, было сложно. Борцам с эксплуатацией было невдомёк, что такие как Харченко создавали рабочие места, тем самым смягчая остроту сложной социально-экономической проблемы – безработицы.

Особый комментарий газеты был посвящен адвокату Осипову: «Пролетарская правда и адвокатское козлоумие». «Чтобы оправдать своего провинившегося клиента, – отмечалось в нем, – адвокат прибегает к всевозможным уверткам, впрочем, достаточно избитым и истасканным. Опорочить показания свидетелей

– известный прием царских адвокатов, в пролетарском суде, четко формулирующим обвинения – не приносит никакой пользы. Сыграть на невежестве, незнании действовавших профсоюзов, биржи труда вызывает снисходительную улыбку даже у пролетарского элемента ... Нам кажется, что при формировании адвокатуры Астраханский Губюст должен особое внимание обратить на революционный стаж защитников. Даже плохой революционный стаж лучше, чем блестящие дипломы царского университета» [17].

За выявленные инспекцией труда недостатки при проверки промышленных предприятий нэпманы гораздо чаще и жестче привлекались к судебной ответственности, чем руководители государственных предприятий [28, с. 142–143]. Выводы подобных комиссий часто были необъективны. «Эта разница порой объясняется более шадящим отношением инспекторов к государству и кооперации: их не отправляют сразу в суд, а определяют сроки для исправления, иногда не раз и не два увещевают, словом миндальничают, вместо того, чтобы наказывать» [23, с. 148–149].

Частным владельцам предприятий профсоюзы ставили более жесткие условия по зарплате, и по условиям труда в сравнении с государственными и кооперативными предприятиями. Местными партийными органами предпринималось немало усилий, чтобы даже на небольших частных предприятиях функционировала профсоюзная организация, велась партийная работа [32, л. 108; 32, д. 824, л. 62; 14, л. 124].

С этой целью был образован профсоюз советских служащих, в который были приписаны рабочие частных предприятий; был разработан типовой коллективный договор, по которому предпринимателю предписывалось платить рабочему зарплату выше государственного минимума [20]. Профсоюзные комитеты частных предприятий вели жесткую борьбу за пунктуальное выполнение всех условий трудового договора [29].

Таким образом, там, где частный капитал действовал легально, в рамках закона, контактировал с профсоюзными организациями, там создавались хорошие условия для рабочих. Обратной стороной медали в деятельности организаций призванных защищать права рабочих в 1920-е гг. было то, что они теряли принципиальность и «все свои шипы», когда дело доходило до защиты прав рабочих на государственных предприятиях, где их нарушали не меньше, чем на частных.

Нормальному развитию частного капитала в промышленности мешал ряд законов (явно классовый направленности), принятых в первые годы нэпа. Например, запрещалось частным предпринимателям нанимать на одно предприятие более чем 20 рабочих. Несовершенным было налоговое законодательство. Так, обложение налогом было менее тяжелым для спекулянта, занимающегося перепродажей скупаемых у ремесленников изделий, чем для предпринимателей, вкладывавших капитал в производство.

И, все же, не смотря на многочисленные препятствия развитие частной инициативы, позволило в относительно короткий срок стабилизировать хозяйство Астраханского края, благотворно сказалось на ведущей отрасли экономики региона – рыбной. Пик развития предпринимательства пришелся на 1926–1927 хозяйственный год. Согласно данным статистики, в этом году в Астраханской губернии насчитывалось 334 государственных торгово-промышленных предприятия, 161 – кооперативное предприятие и 1939 частных. Из общего торгового оборота в 224 млн руб. частники имели примерно половину. Удельный вес частных предприятий в экономике Астраханской губернии края доходил в 1928 г. до 44,6 % [2, с. 78].

Частным предпринимателям примерно до 1927 г. удавалось успешно обходить запреты и избегать полного контроля со стороны фискальных органов [8, с. 446–458]. Этому способствовала высокая мобильность частного капитала. Нэпманы быстро меняли вид занятий под воздействием хозяйственной конъюнктуры. Жизненные пути частных предпринимателей 1920-х гг. были очень извилисты: оставаясь в рамках частного сектора, многим из них пришлось за 5–6 лет сменить с десяток занятий [23, с. 236].

После 1927 г. в ряде регионов, несмотря на старания Центра частнокапиталистический уклад продолжал развиваться и даже укреплять свои позиции. Так, в 1929 г. в Поволжье произошли события, получившие название «астраханщина». Как уже отмечалось выше, в Астрахани частный капитал получил значительное развитие. Нэпманы, занимаясь рыбным делом, получали огромные прибыли, часть которых направлялась на подкуп местных партийных и государственных чиновников. Поэтому до 1929 г. решения центральных партийных и государственных органов об ограничении деятельности частного капитала саботировалось местной властью. Потребовалось репрессивное вмешательство центра чтобы привести рыбную отрасль к общему знаменателю с экономикой всей страны, т.е к государственной монополии. К судебной ответственности по этому делу было привлечено 242 чел. – чиновников различного уровня и частных предпринимателей, из них 14 человек приговорено к расстрелу, более 1250 чел. было уволено с работы [1, с. 66]. Главными обвинениями были: взятка, потворство советских служащих частнику и моральное разложение.

«Астраханщина» – это очень сложное и противоречивое явление нашей истории. Анализ документов по этому делу показывает, что с одной стороны оно было искусственно раздуто, для того, чтобы насильно прекратить деятельность нэпманов в рыбной промышленности отсюда мощное пропагандистское прикрытие, привлечение известных журналистов (М. Кольцов), поэтов (В. Маяковский), писателей (И. Ильф, Е. Петров), подключение центральных органов, суровость наказания. Но с другой стороны суд объективно выявил и показал коррупцию и моральное разложение части астраханского чиновничества, причем не только государственного, но и партийного [1, с. 71]. Подобные же события годом раньше – весной 1928 г. произошли в Смоленске (так называемый «Смоленский гнойник»). Предлог для «вскрытия гнойника» была всё тот же – коррупция, хотя причиной – рост зажиточного крестьянства в губернии.

Таким образом, в конце 1920-х гг. репрессиям подвергались те регионы, где нэп пустил наиболее крепкие корни, и развитие частного предпринимательства шло в противовес нарождающейся командной экономике. Судебные процессы в Смоленске в 1928 г. и в Астрахани фактически подвели черту под новой экономической политикой.

Список литературы

1. Батрашев Д. К. Астраханщина // Батрашев Д. К., Виноградов С. В., Волков В. В., Жилинский В. М., Ишин В. В., Корноухов А. В., Лихолет О. В и др. На южном форпосте России. Из истории Управления Федеральной службы безопасности РФ по Астраханской области. 1918–2000 гг.: Документы. Материалы. Воспоминания / под ред. В. Н. Папсуева. Волгоград: Станица-2, 2000. С. 63–72.
2. Батрашев Д. К. Частное предпринимательство в годы новой экономической политики в Астраханской губернии (округе) в 1921–1929 гг. // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М., 2014. С. 77–93.
3. Виноградов С. В. Значение рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна в период Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2013. № 5. С. 51–61.
4. Виноградов С. В. Кризис в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна в 1918–1924 гг.: причины и последствия // Современная научная мысль. 2014. № 2. С. 64–72.
5. Виноградов С. В. Ликвидация частной промышленности и торговли в конце 1920-х гг. (на примере городов Поволжья) // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 61–69.
6. Виноградов С. В. О некоторых дискуссиях середины 1920-х гг. о значении и перспективах частного предпринимательства в хозяйственной жизни СССР // Современная научная мысль. 2012. № 1. С. 23–30.
7. Виноградов С. В. О некоторых особенностях реализации новой экономической политики в Поволжье // Геология география и глобальная энергия. 2006. № 12. С. 144–149.
8. Виноградов С. В. От новой экономической политики к «Великому перелому» (рецензия на книгу В. А. Шишкина «Россия в годы “Великого перелома” в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)») // Каспийский регион: политика, экономика культура. 2013. № 3 (36). С. 446–458.
9. Виноградов С. В. Поволжье в годы новой экономической политики: особенности социально-экономического развития // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М., 2014. С. 66–76.
10. Виноградов С. В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа. 1921–1927 гг. М., 1992. 17 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 386, оп. 1, д. 48.
12. ГАРФ. Ф. 386, оп. 1, д. 49.
13. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 1, оп. 1, д. 108.
14. ГАСД АО. Ф. 1, оп. 1, д. 172.
15. ГАСД АО. Ф. 1, оп. 1, д. 176.
16. Дьяконов А. Декрет об аренде и юстиции // Экономическая жизнь. 1921, 30 июля.
17. Коммунист. 1922. 22 августа.
18. Коммунист. 1922. 9 декабря.
19. Коммунист. 1923. 15 ноября.
20. Коммунист. 1923. 3 ноября.
21. Коммунист. 1924. 1 июля.
22. Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д., Федоровская Е. С. Государственная собственность и рынок: опыт нэпа // НЭП: Приобретения и потери / под ред. В. П. Дмитренко. М.: Наука, 1994. С. 60–75.
23. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.: Госиздат, 1927. 486 с.
24. Наш Край. 1922. № 1.
25. Неретина Л. А. Реорганизация государственной промышленности в 1921–1935 гг.: принципы и тенденции развития // НЭП: Приобретения и потери / под ред. В. П. Дмитренко. М.: Наука, 1994. С. 75–87.
26. НЭП: взгляд со стороны. М.: Московский рабочий, 1991. 303 с.
27. Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 256 с.
28. Орлов И. Б. Восстановление промышленности // Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. 465 с.
29. Саратовские Известия. 1923. 3 ноября.
30. Сборник указов Совета народных комиссаров РСФСР. 1921. № 367.
31. Турицын И. В. Революционный порыв и традиция как элементы формирования нового управленческого слоя в 1920-е годы (на материалах юго-востока России) // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М., 2014. С. 94–104.
32. Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 27, оп. 2, д. 801.
33. Частный капитал. М.: Госиздат, 1927.
34. Шишкин В. А. Власть: политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 398 с.

References

1. Batrashev D. K. Astrakhanshchina [Astrakhanshchina]. *Batrashev D. K., Vinogradov S. V., Volkov V. V., Zhilinskiy V. M., Ishin V. V., Kornouhov A. V., Likholeto O. V. et al. Na yuzhnom forposte Rossii. Iz istorii Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti RF po Astrahanskoj oblasti. 1918–2000 gg.: Dokumenty. Materialy. Vospominaniya* [Batrashev D. K., Vinogradov S. V., Volkov V. V., Zhilinskiy V. M., Ishin V. V., Kornouhov A. V., Likholeto O. V. et al. At the southern outpost of Russia. From the history of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Astrakhan region. 1918-2000 gg.: Documents. Materials. Memories]. Ed. by V. N. Papsuev. Volgograd, Stanica-2 Publ., 2000, pp. 63–72.
2. Batrashev D. K. Chastnoe predprinimatel'stvo v gody novej jekonomicheskoy politiki v Astrahanskoj gubernii (okruge) v 1921–1929 gg. [Private enterprise during the New Economic Policy in the Astrakhan province (district) in 1921–1929]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novej ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik modernization during the New Economic Policy]. Moscow, 2014, pp. 77–93.

3. Vinogradov S. V. Znachenie rybnoy promyshlennosti Volgo-Kaspiyskogo basseyna v period Velikoy Otechestvennoy voyny [The role of the fishing industry of Volga-Caspian basin in the Great Patriotic war]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2013, no. 5, pp. 51–61.
4. Vinogradov S. V. Krizis v rybnoy promyshlennosti Volgo-Kaspiyskogo basseyna v 1918–1924 gg.: prichiny i posledstviya [Crisis in the fishing industry Volga-Caspian basin in 1918–1924: causes and consequences]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2014, no. 2, pp. 64–72.
5. Vinogradov S. V. Likvidatsiya chastnoy promyshlennosti i torgovli v kontse 1920 gg. (na primere gorodov Povolzhya) [Disposal private industry and commerce in the late 1920 (on the example of the Volga)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2014, no. 1, pp. 61–69.
6. Vinogradov S. V. O nekotorykh diskussiyakh serediny 1920-kh gg. o znachenii i perspektivakh chastnogo predprinimatelstva v khozyaystvennoy zhizni SSSR [Some discussions mid-1920's. the significance and prospects private enterprise in the economic life of the USSR]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2012, no. 1, pp. 23–30.
7. Vinogradov S. V. O nekotorykh osobennostyakh realizatsii novoy jekonomicheskoy politiki v Povolzh'e [About some peculiarities of the implementation of the new economic policy in the Volga region]. *Geologiya, geografija i global'naja jenergija* [Geology, geography and global energy], 2006, no. 12, pp. 144–149.
8. Vinogradov S. V. Ot novoy ekonomicheskoy politiki k "Velikomu perelomu". Retenziya na knigu V. A. Shishkina "Rossija v gody "Velikogo pereloma" v vospriyatii inostrannogo diplomata (1925–1931 gg.)". [From the new economic policy to "the great turn" (review of the book written by V. A. Shishkin "Russia during the years of "the great turn" in perception of a foreign diplomate (1925–1931)")] *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2013, no. 3, pp. 446–458.
9. Vinogradov S. V. Povolzhe v gody novoy ekonomicheskoy politiki: osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Volga region during the New Economic Policy: features of socio-economic development]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik modernization during the New Economic Policy]. Moscow, 2014, pp. 66–76.
10. Vinogradov S. V. Stanovlenie i razvitie smeshannoy ekonomiki v usloviyakh nepa. 1921–1927 gg. [The formation and development of the mixed economy during the NEP. 1921–1927 years]. Moscow, 1992, 17 p.
11. *State Archive of the Russian Federation*, fund 386, inventory 1, case 48.
12. *State Archive of the Russian Federation*, fund 386, inventory 1, case 49.
13. *State Archive of Contemporary Documentation Astrakhan region*, fund 1, inventory 1, case 108.
14. *State Archive of Contemporary Documentation Astrakhan region*, fund 1, inventory 1, case 172.
15. *State Archive of Contemporary Documentation Astrakhan region*, fund 1, inventory 1, case 176.
16. Dyakonov A. Dekret ob arende i yustitsii [Decree on rental and Justice]. *Ekonomicheskaya zhizn* [The economic life], 1921, July, 30.
17. *Kommunist* [Communist], 1922, 22 Aug.
18. *Kommunist* [Communist], 1922, 9 Dec.
19. *Kommunist* [Communist], 1923, 15 Nov.
20. *Kommunist* [Communist], 1923, 3 Nov.
21. *Kommunist* [Communist], 1924, 1 Jul.
22. Lapina S. N., Lelyukhina N. D., Fedorovskaya E. S. Gosudarstvennaya sobstvennost i rynek: opyt nepa [State ownership and the market: experience of NEP]. *NJeP: Priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Ed. by V. P. Dmitrenko. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 60–75.
23. Larin Yu. *Chastnyy kapital v SSSR* [The private capital in the USSR]. Moscow, Gosizdat Publ., 1927, 486 p.
24. *Nash Kray* [Our region], 1922, no. 1.
25. Neretina L. A. Reorganizatsiya gosudarstvennoy promyshlennosti v 1921–1935 gg.: printsipy i tendentsii razvitiya [The reorganization of state industry in the 1921–1935 years: the principles and trends of the new economic policy]. *NEP: Priobreteniya i poteri*. Ed. by V. P. Dmitrenko. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 75–87.
26. *NEP: vzglyad so storony* [NEP: outside view]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1991, 303 p.
27. *Odinnadtsatyy sezd RKP(b): Stenograficheskiy otchyot* [The Eleventh Congress of the RCP (b): Transcript]. Moscow, 1967, 256 p.
28. Orlov I. B. Vosstanovlenie promyshlennosti [Reconstruction of the industry]. *Rossiya nepovskaya* [Russia during the new economic policy]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2002, 465 p.
29. *Saratovskie Izvestiya* [Saratov news], 1923, 3 Nov.
30. *Sbornik ukazov Soveta narodnykh komissarov RSFSR* [Collection of the decrees of the Council of People's Commissars of the RSFSR] 1921, no. 367.
31. Turitsyn I. V. Revolyucionnyy poryv i traditsiya kak elementy novogo upravlencheskogo sloya v 1920-e gody (na materialakh yugo-vostoka Rossii) [Revolutionary fervor and tradition as elements of a new management layer in the 1920s (on materials of the south-east of Russia)]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik modernization during the new economic policy]. Moscow, 2014, pp. 94–104.
32. *Documentation Centre of the modern history of the Saratov region*, fund 27, inventory 2, case 801.
33. *Chastnyy kapital. Sbornik VSNH* [Private capital. Collection of the VSNKh]. Moscow, Gosizdat Publ., 1927.
34. Shishkin V. A. *Vlast: politika, ekonomika. Poslerevolnytsionnaya Rossiya (1917–1928 gg.)* [Power: Politics, Economics. Post-revolutionary Russia (1917–1928)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1997, 398 p.